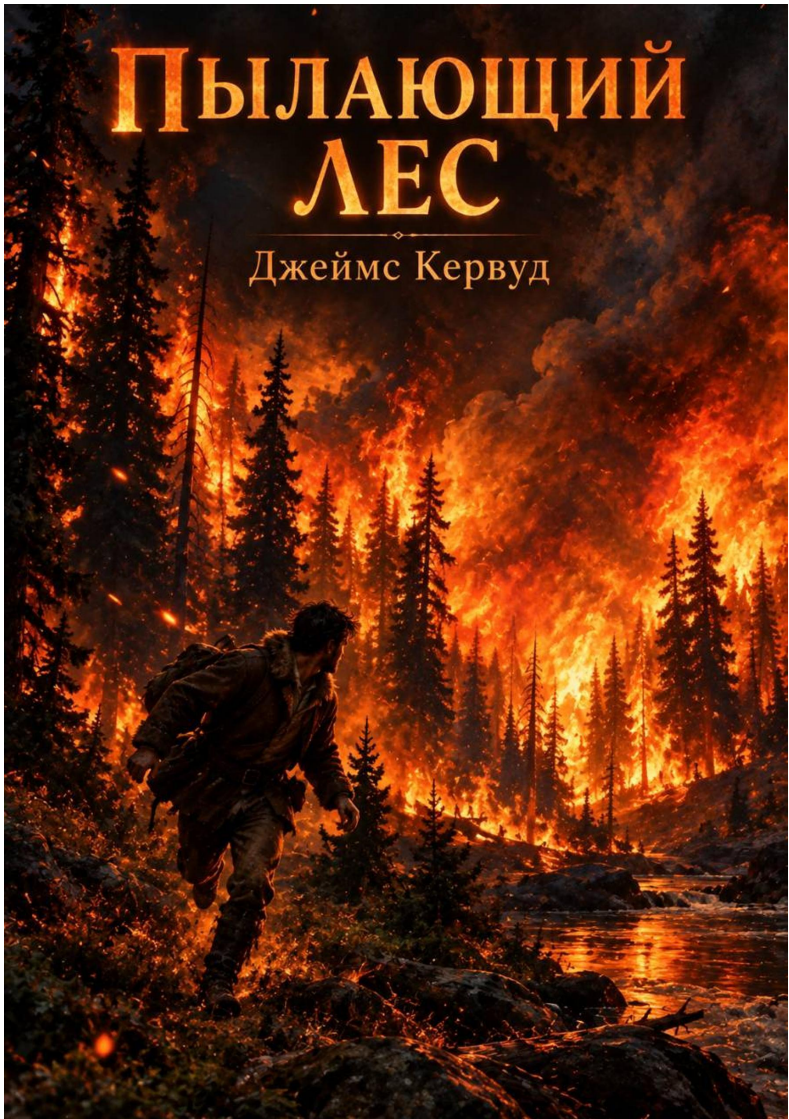

ПЫЛАЮЩИЙ ЛЕС

Джеймс Кервуд

Джеймс Кервуд

Пылающий лес

<https://litres.ru/74502743>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дэвид Карриган, сержант Северо-Западной конной полиции, получает опасное задание — разыскать Блэка Роджера Одёмара, человека, которого долгие годы считали погибшим. За ним тянется кровавое прошлое, месть и тайна, связанная с несколькими человеческими жизнями.

След приводит Карригана в суровую северную глушь, где среди бескрайних лесов и рек ему предстоит столкнуться не только с разыскиваемым преступником, но и с неожиданными союзниками и врагами. Встреча с Жанной Мари-Анной Булен превращает обычную погоню в сложную историю, где опасность переплетается с доверием, тайнами и любовью.

Но настоящий враг приходит с огнём. Огромный лесной пожар стремительно охватывает северные земли, превращая лес в пылающую ловушку. Перед героями встаёт борьба не только друг с другом, но и с самой стихией.

«Пылающий лес» — динамичный приключенческий роман о мужестве, преследовании, мести и любви на фоне суровой природы канадского Севера.

Содержание

Глава II	8
Глава III	17
Глава IV	26
Глава V	37
Глава VI	48
Глава VII	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джеймс Кервуд

Пылающий лес

1

Глава I

Час тому назад Дэвид Карриган, сержант Его Величества Северо-западной конной полиции, тихо напевал себе под нос и радовался жизни под чудесной синевой северного неба. Он мысленно благословлял Мак-Вейна, начальника N-ской дивизии на пристани Атабаска, за это поручение, которое пришлось ему так по душе. Он радовался, что едет в одиночестве по дремучему лесу и будет так ехать еще много недель, все дальше и дальше забираясь в глубь своего любимого Севера. Занявшись в полдень кипячением чая на берегу реки, окруженный с трех сторон зеленым лесом, словно волнуемым морем, он пришел к выводу — вероятно, уже в сотый раз, — что прекрасно быть одному на свете; недаром же и товарищи прозвали его нелюдимкой.

— Если случится что-нибудь со мной, — заявил он Мак-Вейну, — то никого извещать не надо. Семьи у меня нет уже давно.

Он был не из тех, кто любит много говорить о себе, даже и с начальником N-ской дивизии, но все же многие любили Дэва Карригана, и многие оказывали ему свое доверие. Правда, Мак-Вейн знал про него одну историю, которую он мог бы

рассказать, но хранил ее про себя, инстинктивно понимая, что это — святыня, которой касаться не следует. Карриган же и не подозревал, что Мак-Вейну хорошо известно то, о чем он сам ни разу не проговорился ни одним словом.

И об этом он тоже думал час тому назад. Это-то прежде всего и погнало его на Север. И вот, скрученный жизнью и временно потерявший под ногами почву, он здесь был вознагражден за все. С этих пор в нем и проснулась страстная любовь к Северу, который стал его божеством. Казалось, никогда не было времени, когда бы он не жил под одним только открытым небом. Ему исполнилось тридцать семь лет. Немножко философ, как и всякий, кто живет на вольном чистом и залитом солнцем воздухе, он относился к ближним благожелательно, даже надевая на них кандалы; виски у него слегка серебрились, но он страстно любил жизнь. Эта любовь к жизни наполняла его всего и заставляла преклоняться перед ее величием.

Итак, час тому назад, забравшись в далекие от Атабаски лесные дебри, он радовался своему настоящему положению. Еще дальше к северу находился в ста восьмидесяти милях от него форт Мак-Муррей, за ним в двухстах милях был Чипевайан, а еще дальше форт Маккензи, с его тысяча пятисотмильной дорогой к Ледовитому океану. Дэва Карригана пленяли эти бесконечные расстояния и их почти полное безлюдье. Однако здешних людей он любил. Всего час тому назад он проводил глазами две Йоркские лодки, которые шли

вверх по реке. В каждой лодке было по восемь гребцов. Они пели, и голоса их раскатывались между стенами прибрежных лесов. Обнаженные руки и плечи гребцов блестели на солнце; они гребли, словно древние викинги. Лодки уже давно скрылись из виду, но еще слышались замиравшие отзвуки поющих голосов. Тогда он встал на ноги у своего потухавшего костра и так выпрямился, что затрещали кости. Хорошо в тридцать семь лет чувствовать в себе горячую кровь и крепкие мышцы.

Да, в зимнюю пору здесь шла жестокая борьба между человеком и зверем, а также между крупными торговцами пушниной. Здесь не знали жалости и пощады. Никто не интересовался тем, был сыт или голоден тот или иной зверолов, оставался ли он в живых или помирал. Париж, Вена, Лондон и другие великие столицы мира должны иметь свои меха. Чем же иным могут быть покрыты белые плечи? А звероловы, в свою очередь, жили только вырученными от мехов деньгами. Так в течение уже двух столетий качался этот маятник, касаясь одним своим концом роскоши, теплоты и красоты, а другим — холода, нужды и глубоких снегов.

Все это Дэвид Карриган живо представлял себе час тому назад на берегу большой реки, а в жизни человека многое может измениться за те же шестьдесят минут. Час тому назад его единственной задачей было поймать живым или мертвым Черного Роджера Одемара, того лесного дьявола, который около пятнадцати лет тому назад, ослепленный мстью,

загубил шесть человеческих жизней. Уже десять лет все думали, что Черный Роджер умер, но вот за последнее время стали приходить с Севера таинственные слухи: он жив. Люди видели его. За слухами пошли факты. Его существование было установлено. Тогда и правосудие решилось на опасные поиски, избрав своим вестником Дэвида Карригана.

«Доставьте его живым или мертвым!» — таковы были последние слова начальника, Мак-Вейна.

И вот теперь, вспоминая это прощальное приказание, Карриган усмехнулся, хотя у него от полуденной жары пот ручьем катился с лица. Прошло всего шестьдесят минут с тех пор, как он покончил со своим чаем, и вдруг произошло нечто совершенно необычайное, словно удар грома в ясный солнечный день.

Глава II

Съежившись за камнем чуть больше его тела, зарывшись в белый мягкий песок, словно кладущая яйца черепаха, Карриган не скрывал от себя правды. Он попал в чертовски скверное положение, и чтобы облегчить свою душу, он беспрестанно твердил это самому себе. Голова у него была непокрыта по той простой причине, что шляпу сорвала пуля. Белокурые волосы были полны песку. Лицо покрылось потом. Но голубые глаза блестели насмешливо и зло, хотя он и сознавал, что ему не сдобровать, если тот, другой, не выпустит всех зарядов.

В двадцатый раз огляделся он кругом. Со всех сторон его окружал плоский и ровный песок. Футах в пятидесяти от него тихо плескались речные волны, разбиваясь о желтые берега. А с другой стороны, на том же расстоянии, стояла зеленая и веющая прохладой сплошная стена леса.

Между рекой и сосновой чащей была только одна эта глыба, за которой он и сидел теперь съежившись, точно боявшийся сорваться с места заяц. И скала-то была лишь простой выпуклостью сланцево-глинистой почвы. Покрывавший ее, словно ковром, слой песка был не толще четырех-пяти дюймов; он не мог зарыться в него или наскрести его в таком количестве, чтобы окружить себя подобием вала. А его враг, залегший ярдах в ста от него, видимо, был таким же смелым

негодяем, как и отличным стрелком.

Карриган трижды успел убедиться в этом после того, как у него родилась мысль внезапно скрыться под защиту леса. Всякий раз, как только его шляпа слегка показывалась из-за скалы, ее быстро и ловко пробивала меткая пуля. Третья пуля отбросила шляпу футов на двенадцать. Стоило ему показать хотя бы одну складку, как пуля тотчас же попадала в нее с безошибочной точностью. Дважды показывалась кровь. И веселый огонек постепенно исчезал из глаз Карригана.

Ему пришлось долго ломать себе голову над тем, чего добивается его враг. Его не хотят ни ранить, ни обезоружить. Его хотят просто убить. Убедиться в этом было нетрудно. Стараясь не выставлять руки или плеча, он вынул из кармана белый носовой платок, привязал его к концу винтовки и выставил над скалой, точно белый флаг. Потом с такой же предосторожностью он высунул кусок сланца, который на расстоянии ста ярдов можно было принять за его плечи или даже за голову. Но едва сланец показался над скалой, как раздался выстрел, разнесший его на мелкие куски.

Карриган опустил флаг и съежился еще больше. Это была поразительная меткость. Он знал, что покажись он сам на одно мгновение, чтобы пустить в ход свою винтовку или свой тяжелый автоматический револьвер, то упал бы трупом, не успев нажать спусковой собачки. И в то же время он был уверен, что рано или поздно ему придет конец. Руки и ноги его затекли. Не может же он бесконечно сидеть согнувшись,

точно складной нож, под такой ненадежной защитой!

Его враг скрывался на опушке леса, но не прямо перед ним, а где-то в ста ярдах вниз по течению. Много раз Карриган спрашивал себя, почему его противник не проползет через лес с винтовкой, чтобы занять новое и удобное место обстрела, которое находилось как раз между выступом скалы и лесом. Ведь с той стороны он оказался бы для того, другого, совершенно беззащитным. Но враг, находившийся в ста ярдах вниз по течению, не сдвинулся с того места, откуда впервые раздался его выстрел. В тот момент Карриган шел открыто по мягкому белому песку. Он почувствовал словно ожег у своего левого виска: на полдюйма правее — и он лежал бы трупом. С быстротой того же выстрела он упал за единственное прикрытие, сланцевую глыбу.

Уже четверть часа, как он силился освободиться от давившей его плечи тяжелой котомки, стараясь не подставлять себя под последний смертельный выстрел. Наконец это ему удалось. С чувством глубокого облегчения он бросил ее рядом со скалой, почти удвоив таким путем свое прикрытие. Тотчас же в нее со свистом ударила пуля, а затем другая. Он услышал звон посуды.

Впервые он мог теперь стереть с лица пот и вытянуться, а главное — подумать. Карриган обладал непоколебимой верой в могущество человеческого разума. «Разумом можно всего достичь, — говорил себе он. — Разум вернее хорошей винтовки».

И вот, едва почувствовав физическое облегчение, он сразу начал приводить в порядок свои запутанные мысли. Кто был этот неизвестный, осыпавший его выстрелами из своей засады с таким бешеным ожесточением? Кто?..

Новый выстрел по жестяной посуде неприятно подчеркнул этот вопрос. Звук раздался так близко, что заставил его вздрогнуть и начать загребать песок, чтобы увеличить свое укрытие. После этого третьего несчастного случая с его кухонной утварью наступила долгая тишина.

Карриган открыл, что он может смотреть между своей котомкой и скалой в ту сторону, где залег его враг, ожидавший удобного момента. Приходилось рисковать. Если каким-нибудь движением он даст заметить это отверстие, его минуты сочтены. Осторожно принялся он за работу, отковыривая по дюйму и питая уверенность, что его подготовка к битве до сих пор еще не открыта. Он думал, что ему известно место, где сидел в засаде его враг и откуда шли его выстрелы: За пнем упавшего кедра.

А затем еще более осторожно, чем он проделывал отверстие, стал вставлять в него дуло своей винтовки. И тут он вспомнил о Черном Роджере Одемаре. Но лишь у него мелькнула мысль о нем, он тотчас же сказал самому себе, что это невозможно. Это не мог быть ни Черный Роджер, ни кто-либо из его друзей. Стоило только вспомнить, какой тайной было окружено его назначение. Он не простился даже со своими закадычными приятелями и отправился за до-

бычей в штатском платье. Ничто не могло выдать его. Кроме того, Черный Роджер находится, по крайней мере, за тысячу миль к северу отсюда, если только что-нибудь не заставило его подняться вверх по течению вместе с весенними партиями. Логика приводила только к одному выводу: в засаде сидел какой-нибудь негодяй метис, решивший завладеть его снаряжением и всем ценным, что у него могло найтись.

Когда же его кухонные принадлежности задрбезжали в четвертый раз, стало ясно, что и этот вывод совершенно нелеп. Кто бы ни был этот стрелок, он питал весьма скромное уважение к содержимому его котомки и определенно охотился за хорошим ружьем. Клейкая струя сгущенных сливок потекла по руке Карригана. Он подумал: уцелела ли еще хоть одна жестянка?

После четвертого выстрела он несколько минут не двигался, лежал лицом вниз. Затем взгляд его устремился к реке, и он увидел, как на том берегу, за четверть мили от него, три лодки быстро двигаются вверх по течению. Солнце блестело на их мокрых бортах. словно крылья серебряных птиц, взлетали весла, вздымая сверкающие брызги воды. Дэвид подумал, что следовало бы сложить руки рупором и крикнуть изо всех сил. Но расстояние было слишком велико, чтобы его крик о помощи был услышан. А кроме того, теперь, когда его защищала котомка, ему казалось унижительным уйти без борьбы. Еще несколько минут, и если все пойдет хорошо, он еще рассчитается со своим притаившимся врагом.

И он вновь начал медленно просверливать дулом винтовки щель между скалой и котомкой. Какой-то близорукий маленький кулик увидел его и, по-видимому, заинтересовался операцией. Вертя головкой и подпрыгивая на своих длинных ножках, он приблизился на дюжину футов и принялся внимательно наблюдать за необычайным проявлением жизни за скалой. Его чириканье внезапно перешло в пронзительный и жалобный крик. Карриган охотно свернул бы ему голову. Этот крик дал знать другому, что он все еще Жив и невредим.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он приладил свою винтовку, каждый миг ожидая нового выстрела. Вытянувшись во всю длину, по индейскому способу, он стал прицеливаться. Он был уверен, что его враг наблюдает за ним, но не мог разглядеть ничего, что походило бы на человеческую голову. И вдруг в том месте, где листва была погуще, он внезапно заметил легкое движение, и ему страстно захотелось послать туда пулю, в самую середину. Но он берег заряд. Необходимо было бить наверняка. Если он выстрелит и промахнется, то вся выгода его потайной щели будет потеряна. Мало того, она сделается его гибелью. Даже и теперь, если следующая пуля врага попадет сюда...

Ему стало не по себе при этой мысли, и невольно по спине забегали мурашки. Еще острее захотелось свернуть шею любознательному маленькому кулику. А это несносное создание обошло кругом и остановилось перед самым его носом,

помахивая хвостиком и крутя головкой, по-видимому все еще обуреваемое единственным нелепым желанием определить длину его винтовки. Птица выдавала его с головой. Если тот парень даже наполовину столь же сметлив, как и меток...

Вдруг он задрожал каждым своим нервом. В листве совершенно ясно угадывались очертания человеческой головы и плеч. Он тихо надавил пальцем курок своего винчестера. Вот сейчас он выстрелит. Но грянувший из кустов выстрел предупредил его. В это потерянное драгоценное мгновение пуля врага насквозь пробила край котомки. Что-то толкнуло его, и в бесконечно краткий миг между болевым ощущением и потерей сознания он все же успел понять, что с его головою и лицом случилось что-то ужасное. Ему показалось, будто он внезапно окунулся в горячую воду, а то, что уцелело от его черепа, наполнилось шумом и грохотом водопада. Он поднялся, шатаясь, и закрыл лицо руками. Все вокруг него потемнело и бешено завертелось, а его все еще не угасшему сознанию вдруг отчетливо представился чудовищный кулик, величиною с дом и с огромными вытаращенными глазами. Потом, раскинув руки, он упал на белый песок, обратив лицо в ту сторону, где сидел в засаде убийца.

Его тело было ясно видно теперь на фоне скалы и мешка, но из кустов больше не последовало выстрела. Там не замечалось никакого движения. Малиновка вопросительно зачирикала, увидя такую внезапную перемену в поведении

прячущегося за скалой человека. Кулик, слегка оглушенный, улетел обратно к реке и принялся снова взад и вперед по мокрому песку. А две поссорившиеся сойки перенесли свои семейные раздоры на другой конец леса.

Услышав их трескотню, Карриган окончательно убедился, что он еще жив. Это было поразительное открытие, равно как и то, что он лежит совершенно открыто на песке, весь озаренный солнцем. Он не пошевелинулся, а только шире открыл глаза. Ему был виден лес. Прямо перед его глазами стояла густая заросль. Вдруг ветки раздвинулись, и кто-то вышел оттуда. Карриган глубоко вздохнул, схватил пальцами то, что находилось у него под боком, и крепко ухватился за ручку автоматического револьвера. Он все-таки выиграет, если только судьба продлит ему жизнь еще на несколько минут.

Враг приближался. И чем ближе он подходил, тем плотнее опускал Карриган свои веки. И когда наконец неизвестный подошел к нему вплотную, глаза Карригана были плотно закрыты, а сам он казался мертвым. Сейчас негодяй опустит, конечно, свое ружье, и тогда он расквитается. Разве только глаза выдадут его...

И он еще крепче зажмурил их. Опять у него начала тогда кружиться и пылать голова. Он услышал шаги, которые остановились рядом с ним на песке. Затем послышался голос. Но это были не слова, а странный, неестественный крик. Страшным усилием воли Карриган напряг все свои слабею-

щие силы. Ему казалось, что он действует очень быстро, но на самом деле все его движения были медленны и болезненны — то были лишь последние усилия умирающего. Револьвер вяло повис в его руке, уткнувшись дулом в песок. Он открыл глаза, стараясь преодолеть непомерную тяжесть своего оружия. И тогда, несмотря на всю слабость, с его собственных губ тоже сорвался крик, крик полного изумления.

В солнечном свете над ним стоял его враг и смотрел на него большими, темными, полными ужаса глазами. Это не были глаза мужчины. Дэвид Карриган в этот самый необычайный момент своей жизни смотрел в лицо женщине.

Глава III

В эти двадцать секунд — они показались много длиннее Карригану — у обоих на всю жизнь запечатлелись незабвенные по яркости воспоминания. Дэвид видел голубое небо, ослепительное солнце и между ними женщину. Револьвер выпал из его ослабевшей руки, и всем своим телом он грузно опустился на песок. Физически и душевно он дошел до полного изнеможения, но тем не менее в эти немногие минуты каждая мелочь запечатлелась в его памяти, словно зарисованная в его мозгу огненной кистью. Голова женщины была непокрыта. Он увидел необычайно белое лицо, темные лучистые глаза и стройную фигуру, застывшую в изумлении и ужасе. Он продолжал видеть все это и тогда, когда его сознание начало мутнеть и в глазах все затуманиваться. Но ее лицо оставалось до последнего момента. Оно стало еще отчетливее, словно дивная камея, — прекрасное, изумленное, полное ужаса лицо, обрамленное блестящими прядями черных, как вороново крыло, волос, развевающихся подобно легкой вуали. Они были почти распущены, словно женщина только что боролась с кем-то или бежала против дувшего с реки ветра.

Он боролся с самим собой, чтобы удержать в сознании этот образ, силился что-то сказать, пошевелиться... Но силы оставили его, и с хриплым стоном он растянулся на песке.

Он не слышал ответного крика женщины, которая кинулась к нему и, призывая на помощь, упала перед ним на мягкий белый песок. Он не почувствовал, как она подняла его голову своей обнаженной рукой и откинула его полные песку волосы, чтобы посмотреть, куда угодила пуля. Он не слышал, как она побежала к реке...

Первое, что он почувствовал, когда стал приходить в себя, это ощущение чего-то прохладного и облегчающего, что лилось ему на пылавшие виски и лицо. Это была вода. Подсознательно он догадался об этом. Мозг его снова заработал, но трудно было ему собрать свои мысли. Словно рой танцующих в воздухе мошек, они упорно метались в разные стороны, и едва он ловил одну и принимался за другую, как первая снова от него ускользала. Через некоторое время он все-таки поймал некоторые из них, и у него появилось непреодолимое желание что-нибудь сказать. Но его глаза и уста оставались крепко сомкнутыми и, чтобы раскрыть их, крошечная армия вооруженных рычажками гномов вышла откуда-то из мрака в его голове и усердно принялась за работу. Это был первый проблеск сознания.

Женщина ухаживала за ним. Он мог чувствовать ее прикосновение и слышать ее движения. По лицу у него текла вода. Потом он услышал, как кто-то заговорил рядом с ним рыдающим голосом, но слов разобрать не мог.

С огромным усилием он открыл глаза.

— Слава Богу, вы живы, мсье! — услышал он голос,

словно доносившийся откуда-то издалека. — Вы живы, живы!

— Поживем еще! — глухо и не без гордости пробормотал он. — Поживем еще...

Он был очень зол на гномов за то, что они покинули его, ведь как только они ушли со своими рычажками, его глаза и губы снова плотно сомкнулись; по крайней мере, ему так показалось. А потом с ним начало твориться что-то странное. Кто-то куда-то потащил его. Он чувствовал, как под ним скрипит песок; иногда его переставали тащить. Затем ему показалось, что заговорил еще один голос. Слышались два голоса, иногда понижавшиеся до шепота. И странные видения являлись ему. Ему казалось, что он видит женщину с темными глазами и блестящими черными волосами, которая внезапно превращалась в другую, с волосами огненно-золотыми. Она была совсем не похожа на Милые Глазки, как его расстроенный мозг прозвал первую. Подобно ослепительному солнечному лучу было это второе видение с отливавшими огнем волосами и необычайным лицом. Он всегда радовался, когда оно исчезало и возвращались Милые Глазки.

Дэвид Карриган совершенно не знал, сколько времени длились все эти странные переживания — час, день или месяц. А может быть, и год, потому что никак не мог припомнить, когда он познакомился с Милыми Глазками. Ему казалось, что он уже давно и хорошо их знает. В то же время он совсем забыл и жуткий обстрел под палящей жарой, и реку,

и поющую малиновку, и любопытного кулика, наметившего дорогу последней пуле его врага. Он вступил в какой-то новый мир, в котором все было неожиданно и призрачно, кроме этих темных волос, черных глаз и бледного прекрасно-го лица. Иногда он видел его с поразительной ясностью, но каждый раз потом он снова погружался в темноту, и звуки милого голоса становились все слабее и слабее.

Наконец все окончательно смешалось в его голове, и он очутился в немой беззвучной тьме. Казалось, он лежал на дне глубокого колодца, и последние проблески его сознания погасли под давившим его мраком. Наконец где-то высоко над этим колодцем забрезжила бледная призрачная звезда. Она медленно спускалась к нему сквозь бесконечную тьму и чем ближе подходила, тем бледнее становилась ночь. Наконец звезда превратилась в солнце, и солнце рассеяло тьму. С наступившим рассветом он услышал пение птицы где-то над самой его головой. Когда же Карриган открыл глаза и понял, что пришел в себя, то увидел, что лежит под той серебристой березой, на которой пела малиновка.

Сначала он не спросил себя, как попал сюда. Глядел на реку и на белую полосу песка. Там была скала и возле нее его дорожный мешок. И также винтовка. Невольно перевел глаза в ту сторону, где в кустах была засада. Теперь и они были залиты солнцем. Но там, где он сейчас не то сидел, не то лежал, не то стоял, — он сам не знал, что именно, — была тень и упоительная прохлада. Над ним склонялся своей зе-

ленной листвой кедр, а сам он был прислонен к стволу серебристой и густолистой березы. Там, где покоилась его голова, он нашел мягкий, только что сорванный мох. Рядом стояло его собственное ведро, наполненное водой.

Он осторожно пошевелился и поднял руку к голове. Пальцы нащупали повязку.

Одну или две минуты он лежал потом неподвижно, в полном изумлении, тщетно стараясь понять, что все это значит. Прежде всего, он был жив. Но и это не было еще так поразительно, как все другое, что случилось с ним. Он вспомнил последние моменты неравного поединка. Его враг победил. И этим врагом была женщина. А главное, когда разнесла ему часть черепа и увидела, как он беспомощно лежит на песке, то не прикончила его, а перенесла в тенистый уголок и перевязала ему рану. Всему этому было трудно поверить, но ведро с водой, мох под головой, повязка и некоторые образы, начинавшие вставать в его памяти, убедили его. В него стреляла женщина. С дьявольской настойчивостью она добивалась его смерти, а потом сама же спасла его! Он усмехнулся. Вот самое верное доказательство, что его ум не играл с ним никаких шуток. Только женщина могла быть столь непоследовательной. Мужчина довел бы дело до конца.

Он начал искать ее глазами на белой песчаной полосе. И в серебристо-сером мелькавшем пятне узнал неутомимого кулика. Тихонько засмеялся: он чувствовал себя необычайно уютно, и хотелось смеяться от счастья, что все прошло и он

остался жив. Если бы кулик был человеком, он позвал бы его и пожал бы ему руку. Ведь если бы птица не выдала его, то все могло бы кончиться ужасно. Он содрогнулся при воспоминании о том, с каким упорством он целился в самую чаще кустарника, где была засада, может быть, в самое сердце женщины.

Дотянувшись до ведерка, он глубоко погрузил лицо в воду. Он не чувствовал уже боли. Головокружение прошло. Мысли сразу прояснились и живо заработали. По успевшей нагреться воде он разом догадался, что она уже давно взята из реки. В солнце и тени он также заметил перемену, и инстинкт человека, привыкшего отмечать каждую мелочь, заставил его вынуть часы. Было почти шесть часов. Прошло более трех часов с тех пор, как кулик очутился перед его ружьем.

Карриган в своем дивизионе считался знатоком по части анализа. И в редких случаях с ним не советовался Мак-Вейн, когда речь шла о тонких делах. У него была необычайная способность разгадывать ход мыслей преступника, и он давно поставил себе за правило учитывать не столько то, что человек сделал, сколько то, от чего он почему-то воздержался. Собственное же приключение его прямо сбивало с толку. Женщина, скрывшись в густой чаще, явно стремилась отправить его к праотцам. Она решила убить его и потому оставила без внимания тот белый флаг, который он выкинул, прося о пощаде. Она была дьявольски метким стрелком и по всем

данным до самого последнего своего выстрела решительно хотела убить его.

Перемена произошла с той поры, когда она взглянула на него, окровавленного и распростертого на песке. Она подумала, конечно, что он умирал. Но почему же, когда увидела затем, что он слегка приоткрыл свои глаза, она воскликнула с явным и радостным облегчением? Что вызвало в ней столь быструю перемену? Почему она заботливо спасала ту жизнь, отнять которую так жаждала за минуту перед этим?

Будь нападающим мужчина, Карриган нашел бы ответ. Раз его не ограбили, то мотив здесь не грабеж. «Ошибочное сходство! — сказал он себе. — Ошибка зрительного восприятия».

Однако такой ответ не удовлетворил его целиком, раз он имел дело с женщиной. Он не мог позабыть глаз, которые могли бы принадлежать только женщине.

Ему оставались на выбор два заключения. Либо произошла ошибка и женщина в ужасе хотела ее загладить, либо агент Черного Роджера Одемара удачно подстерег его, но оказался слишком мягкосердечным.

Солнце близилось уже к закату, когда в итоге целого ряда осторожных опытов Карриган убедился наконец, что не в состоянии подняться на ноги. В мешке же осталось много нужных ему теперь вещей: одеяло, стальное зеркало и термометр. Он начал тревожиться за себя. Вновь стало резать глаза. Лицо горело, и жажда мучила его все сильнее и силь-

нее. Начиналась лихорадка, а он знал, что значила для него лихорадка, когда он был один. Он потерял всякую надежду на возвращение женщины. Нелепо ждать, что она вернется после того, как с таким неистовством хотела убить его. Правда, она перевязала его, уложила, поставила возле него воду, но дальше предоставила выпутываться ему самому. Но какого же черта она не принесла ему и дорожного мешка?

Он решил было доползти до него, но при первых же движениях почувствовал боль, а затем и приступ тошноты. Однако нужно было достать и ящичек с лекарствами, и одеяло, и винтовку, которой он надеялся подать сигнал, если кто-нибудь будет проезжать по реке. Медленно, с передышками пополз он по песку. Пальцы попадали в отпечатки ног таинственной женщины-стрелка; это были следы не мокасин, а ботинок, узкие и маленькие, немногим длиннее его ладони.

Ему казалось, что прошла целая вечность, прежде чем он добрался до мешка. А когда он очутился около него, в голове словно закачался маятник, стучаясь о стенки черепа. Решив немного отдохнуть, положил под голову мешок. Одна минута проходила за другой. Солнце скрылось на западе за облаками, стало прохладнее, но внутри у него все горело от непереносимой жажды. Он мог слышать журчание реки и смех ее среди прибрежных камышей. И река показалась ему нужнее и ящичка с лекарствами, и одеяла, и винтовки. Он весь ушел в ее манящую ласковую песню, пополз к ней, а маятник все быстрее принялся качаться у него в голове, когда шум воды

начал все более приближаться. Наконец он добрался до мокрого песка, упал вниз лицом и начал пить.

После этого ему не захотелось уже возвращаться. Он повернулся и лег на спину с обращенным к небу лицом. Мокрый песок под ним был так мягок и так освежающе прохладен. Жар в голове утихал. Он мог слышать теперь вечерние звуки, которые доносились к нему из леса.

В этот день сумерки наступили раньше, так как на западе сгустились тучи. Кругом полная тишина. Даже ветер перестал дуть с реки. И до напряженного слуха Карригана, радостно чувствовавшего, как от прохладного сырого песка утихает лихорадка, донеслись какие-то новые звуки. Сначала он подумал, что это всплеснула рыба. Но звуки снова повторились, и он различил равномерные удары весел.

Вздрогнув, он приподнялся на локте. Река была окутана сумраком, и он ничего не мог разглядеть. Но до него доносились тихие голоса и удары весел; и скоро он узнал, что один из голосов принадлежит женщине.

У него бешено забилося сердце.

— Она возвращается! — прошептал он. — Она возвращается.

Глава IV

Первым побуждением Карригана, таким же внезапным, как и охватившая дрожь, было окликнуть гребцов невидимой лодки, И слова уже готовы были сорваться с его губ, но он удержался. Они не могли миновать его или не услышать его голоса, а потому он решил подождать. В конце концов, осторожность могла быть и не лишней. Когда он снова пополз к своей винтовке, то почувствовал, что движение не причиняет ему больше сильной боли. В то же время он не упускал ни одного доносившегося с реки звука. Говорили тихо, да и удары весел были очень осторожны; наконец их почти уже не было слышно, хотя он знал, что лодка подходит все ближе. Что-то боязливое и таинственное было в ее приближении. Может быть, женщина с дивными глазами и блестящими волосами вновь изменила свои намерения и возвращалась только с целью прикончить его.

Эта мысль заставила его еще сильнее напрячь свое зрение. В окутывавшем реку сумраке выделилась легкая тень, затем она приняла очертания; что-то тихо зашуршало о камни и песок, а вслед за этим послышался всплеск прибрежной воды под осторожно идущими ногами; кто-то вытаскивал лодку на берег. За первой тенью показалась другая. Прошли несколько шагов и остановились. Чей-то голос тихонько окликнул:

— Мсье! Мсье Карриган!

В голосе слышалась тревога, но Карриган молчал. Потом раздалось снова:

— Он здесь, Бэтиз! Я уверена в этом.

В голосе звучала еще большая тревога; он дрожал от волнения.

— Бэтиз, а если он умер?.. Он там, под этими деревьями.

— Он не умер! — немного приподнявшись, ответил Карриган. — Он здесь, снова за скалой.

Женщина бросилась туда, где лежал он, сжимая рукой холодный ствол винтовки и обернувшись к ней лицом. И вновь он увидел перед собой ее лучистые глаза, а при бледном свете, который лился с неба перед восходом луны, она показалась ему еще прекраснее, чем при солнечном блеске. Опустившись на колени, она близко наклонилась к нему, положив ему руки на плечи; сердце у нее сильно билось, что видно было по учащенному дыханию.

— Вы не очень тяжело ранены? — спросила она.

— Не знаю! — ответил Дэвид. — Это был отличный выстрел. Думаю, моей голове изрядно досталось. Во всяком случае, я не могу встать на ноги.

Она приложила свою ладонь к его лбу. Это походило на прикосновение холодного бархата. Потом позвала человека, которого звали Бэтизом. Когда он подошел ближе, то напомнил Карригану огромного шимпанзе с его несоразмерно длинными руками. Карриган еще крепче сжал приклад сво-

его ружья. Женщина о чем-то быстро заговорила по-французски, но Дэвид уловил смысл. Она приказывала Бэтису бережно перенести его в лодку. «Мсье тяжело ранен, ранен в голову», — волновалась она. Бэтиз должен был особенно береечь голову. Дэвид засунул свой револьвер в кобуру, когда Бэтиз нагнулся над ним, и попытался благодарно улыбнуться женщине, которая, чуть не убив его, теперь о нем так заботилась. Ночь становилась все светлее, и он мог лучше разглядеть свою странную спасительницу. Серебряная полоса света легла на реку; взошла несколько бледная луна, радуясь, что тучи закрыли солнце на целый час раньше обычного. Эта светлая лунная дорожка была заслонена, однако, головой Бэтиза, головой настоящего дикаря, повязанной, как у пиратов, большим платком. Он подсунул свои длинные руки под спину Дэвида и без всякого усилия осторожно поставил его на ноги, а затем легко поднял, как ребенка, и пошел с ним по песку.

Карриган не ожидал этого. Он был слегка ошеломлен и сконфужен. Ему не нравилось, что его понесли, как малого ребенка, хотя бы и в присутствии того, кто умышленно привел его в такое состояние. А Бэтиз нес его с такой дьявольской легкостью, словно он был мальчишкой, ничтожным карликом, а Бэтиз — мужчиной. Он предпочел бы проковылять на своих собственных ногах или проползти даже, а потому и сердился на Бэтиза, пока они двигались к лодке. Он считал в то же время, что ему обязаны дать некоторые разь-

яснения. Эта женщина даже и теперь, чуть не убив его, разрешала себе явно бесцеремонное с ним обращение. Она могла хотя бы заявить ему, что ошиблась и теперь раскаивается, но она с ним больше и не заговаривала. Не говорила она и с Бэтизом, и пока метис укладывал его в середине лодки, молча стояла на берегу. Потом Бэтиз перенес в лодку его винтовку и дорожный мешок, который подложил ему под спину, чтобы он мог сидеть. А затем, не спрашивая позволения, взял на руки женщину и перенес ее, чтобы она не промочила ноги.

Доставая весло, она повернулась к Дэвиду и с минуту смотрела на него.

— Вы не находите нужным сказать мне, кто вы и куда мы направляемся? — спросил он.

— Меня зовут Жанна-Мари-Анна Булэн! — ответила она. — И моя партия расположилась ниже по течению, мсье Карриган.

Он удивился быстроте ее признания: как представитель полиции, он счел ее ответ за признание. После столь хладнокровного покушения на его жизнь нельзя было ожидать, что она так быстро согласится назвать себя. И она так спокойно говорила о своей партии. Он слышал о партии Булэна. Насколько он припоминал, это имя было связано не то с Чипевайаном, не то с фортом Мак-Мурреем. «Булэн... Булэн!...» — повторял он про себя.

Бэтиз оттолкнул лодку, а женщина ударила веслами по во-

де, блестящей при лунном свете. Он никак не мог выкинуть этого имени из своей головы. Ведь он слышал его раньше и с ним связывалось что-то особенное. Он начал рыться в своей памяти. «Булэн!» — он сказал это сам себе шепотом, не спуская глаз со стройной фигуры сидевшей впереди него женщины, которая, легко покачиваясь, работала веслами; когда же ничего не пришло в голову, им овладело легкое раздражение, досада на бессилие своей памяти. В голове вновь начало мутиться.

— Я где-то слышал это имя раньше, — сказал он возможно более отчетливо, хотя его отделяло от нее расстояние всего в пять-шесть футов.

— Возможно, мсье.

У нее был прелестный голос: чистый, как пение птицы, но такой мягкий и низкий, что с трудом верилось, чтобы говорила именно она. Ему хотелось, чтобы она повернулась к нему и что-нибудь сказала. И прежде всего он хотел бы спросить ее, зачем она пыталась убить его. Он вправе был требовать от нее объяснения. Мало того, он обязан был доставить ее на Пристань, где она должна дать отчет правосудию. И она безусловно знала это. Она могла узнать его имя только из его документов, которые вынула, пока он лежал без сознания. В таком случае она должна была знать, что он — сержант королевской Северо-западной конной полиции. И тем не менее это ее, по-видимому, мало смущало. В ней не замечалось никаких признаков боязни или даже простого волнения.

Он немного подвинулся к ней и вызвал этим движением острую боль между глаз. С трудом удержавшись от крика, он с усилием заговорил:

— Вы хотели убить меня, и это вам чуть не удалось. Вы ничего не скажете мне об этом?

— Сейчас ничего, мсье, кроме того, что произошла ошибка, о которой я весьма сожалею. Но вам нельзя говорить. Вам необходимо спокойствие. Боюсь, что у вас поврежден череп.

Бойтся, что у него поврежден череп! И выражает эту боязнь так, словно говорит о зубной боли! Он снова откинулся на мешок и закрыл глаза. Пожалуй, она права. Эти приступы головокружения и тошноты очень подозрительны. Но если она так думает, то почему не обращается с ним немного повнимательнее? Бэтис с его бычьей силой совершенно не нуждается в ее помощи. Она могла бы хотя бы сесть к нему лицом, если уже отказывается от более точных объяснений.

Ошибка, говорит она! И она сожалеет о ней! Она холодно заявила об этом, но голос ее звучал, словно музыка. Она прекрасно говорила по-английски, но в ее произношении слышалась бархатистая мягкость французской речи. И ее звали Жанна-Мари-Анна Булэн!

Закрыв глаза, Карриган обозвал себя идиотом за то, что думает сейчас о таких вещах. Прежде всего он — ищейка, и на нем лежат серьезные обязанности, исполнить которые нужно здесь, сейчас же, за тысячу миль от Черного Роджера

Одемара, закоренелого убийцы, за которым его послали. Он готов был поставить в заклад свою голову, что Черный Рождер не мог более обдуманно пойти на преступление чем эта самая Жанна-Мари-Анна Булэн, доставшая его за выступом скалы.

А теперь, когда все было кончено и он остался в живых, она держала себя так холодно и невозмутимо, словно они возвращались с увеселительной прогулки. Карриган плотнее закрыл глаза и спросил себя, правильно ли он рассуждает. Он знал, что тяжело ранен, но был глубоко убежден, что его умственные способности в полном порядке. И он продолжал спокойно лежать, прислонив голову к мешку, с закрытыми глазами, надеясь, что речная прохлада прогонит его тошноту.

Он скорее чувствовал, чем сознавал быстрое движение лодки. Сила течения и ловкость гребцов несли ее со скоростью шести-семи миль в час. Он слышал журчание воды, которое иногда напоминало звон маленьких колокольчиков, и чем больше он прислушивался, тем громче звенели колокольчики. Они выбивали все одну и ту же ноту, а затем к этой ноте присоединилась другая, и в ритмическом журчании реки он схватывал все те же монотонные звуки: Булэн — Булэн — Булэн... Это было наваждение. Что-нибудь да значило оно. И он узнал бы, что именно, если бы мог подчинить себе непослушную память. А как только пытался сосредоточиться, начиналась отчаянная головная боль.

Он опустил руку в воду и приложил к глазам. И после этого не поднимал с полчасу головы. За все это время Бэтиз и Жанна-Мари-Анна Булэн не обменялись ни словом. Для жителей лесов сейчас было не время говорить. Быстро поднималась луна, и гасли звезды. Еще так недавно окутанный сумраком мир был залит теперь потоком золотого и серебряного блеска. Карриган почувствовал сначала, как этот блеск струится сквозь его пальцы, а затем отнял руку и открыл глаза. Головокружение проходило.

Прямо напротив него сидела Жанна-Мари-Анна Булэн. Сумрак исчез, словно поднятый занавес, и она вся залита была лунным сиянием. Перестала грести и глядела вдаль. В ее фигуре было что-то восхитительно-девичье. Голова была открыта, как и тогда, когда он в первый раз ее увидел, а распущенные по спине волосы напоминали при лунном свете бархатистый песок. Что-то подсказало Карригану, что она сейчас повернется к нему, и он снова закрыл рукой глаза, немного раздвинув пальцы. Он угадал. Она повернулась лицом к луне и пристально взглянула на него, с явной тревогой, как ему показалось. Она склонилась немного, чтобы лучше видеть, а потом отвернулась и вновь принялась грести.

Карриган был несколько утешен. Может быть, она уже не раз так смотрела на него за последние полчаса. И она была встревожена, она беспокоилась о нем. Мысль, что она — убийца, видимо, начинала мучить ее. Несмотря на красоту ее глаз и волос, несмотря на все исходившее от нее обаяние,

он не чувствовал к ней никакой симпатии. Он сказал себе, что отдал бы год жизни за то, чтобы сейчас засадить ее в тюрьму. Проживи он хоть сто лет, то и тогда не забудет, как прятался за скалой в течение почти целого часа. И пусть она прекраснее Венеры и всех граций, он все-таки рассчитается с ней за все, если только останется в живых. Он злился на самого себя за то, что вот только что так глупо загляделся на блеск ее волос при лунном свете. Да и на ее глаза. А на кой черт нужна ему ее красота? У разбойника Фэнчета тоже была красивая сестра, и все же эта красота не спасла его. Закон наложил на него свою тяжелую руку, несмотря на все слезы, пролитые огромными черными глазами Кармин Фэнчет. И он сам был олицетворением этого правосудия. А Кармин Фэнчет была красива, дьявольски красива. И тем не менее негодяй Фэнчет был повешен.

Карриган тихонько выпрямился. Ему захотелось узнать, что сказала бы Жанна-Мари-Анна Булэн, если бы он рассказал ей о Кармин. Но между Фэнчетами и Булэнами была огромная разница. Фэнчеты являлись выходцами с Аляски. И оба были большими негодяями. По крайней мере, все судили о Кармин Фэнчет по ее брату. А Булэны...

Опустив руку, он задел свою кобуру; ни Бэтиз, ни девушка и не подумали его обезоружить. Это было неосторожно с их стороны, если только Бэтиз не следит за ним сзади...

Карриган заволновался от новой тревоги. Он начал понимать, что допустил крупную ошибку и вел недостаточно

умную игру. Эта девушка, Жанна, стреляла в него. Эта же Жанна стояла потом над ним в ту минуту, когда он пытался выстрелить из своего револьвера. Она покушалась на его жизнь, а потом размякла, когда пришлось довести дело до конца. Но все это он должен был скрывать от нее; в этом случае удобнее было бы действовать, когда наступит подходящий момент. Но и сейчас еще не поздно исправить свой промах. И он решил попытаться.

— Я хотел бы извиниться перед вами! — сказал он. — Вы мне позволите?

Она вздрогнула, словно ее хлестнули кнутом по обнаженной шее. Но как только она обернулась, а он улыбнулся ей, в ее лице и глазах появилось нескрываемое облегчение.

— Вы полагали, что я уже умер, — усмехнулся он. — Нет, мисс Жанна. Я снова полон жизни. Во всем виновата эта проклятая лихорадка, и теперь мне хочется просить у вас прощения. Я помню, я знаю, что обвинял вас в покушении на мою жизнь. Конечно, этого не могло быть. В здравом уме я не могу этого допустить и совершенно уверен, что это дело рук одного негодяя метиса. А вы пришли как раз вовремя, чтобы отогнать его и спасти меня. Можете вы простить меня и принять мою благодарность?

В лучистых глазах девушки словно отразилась его собственная усмешка.

— Я рада, что вы чувствуете себя лучше, мсье.

— И вы прощаете меня за... за мое свинство?

Она была прелестна, когда улыбалась, а теперь она улыбнулась ему.

— Если вы хотите, чтобы я простила вашу ложь, то да! — сказала она. — Я прощаю вас, потому что ложь иногда входит в ваши обязанности. Это я покушалась на вашу жизнь, мсье, и вы знаете это.

— Но...

— Вам нельзя говорить, мсье. Это повредит вам. Бэтиз, попроси мсье больше не разговаривать.

Карриган услышал позади себя какое-то движение.

— Мсье, замолчите сейчас же или я разmozжу вам голову веслом! — раздался у самого его плеча голос Бэтиза. — Поняли вы меня или нет?

— Понял, старина! — проворчал Карриган. — Отлично понял вас обоих.

И он откинулся на свой мешок, по-прежнему не сводя глаз со стройной фигуры прелестной Жанны-Мари-Анны Булэн, которая снова взялась за весла.

Глава V

После неожиданного и внушительного предостережения со стороны Бэтиза Карриган открыл во всем этом деле совершенно новую и очень интересную сторону. Он неоднократно убеждался в том, что всеми своими сыскными успехами он обязан был не своему умственному превосходству над сослуживцами, а присущему ему чувству юмора и полному отсутствию всякого тщеславия и корыстолюбия. Он увлекался этой игрой только потому, что был страстным любителем приключений. Просто и честно исполнял свои обязанности, перед начальством не лебезил, так как служил не из-за долларов и центов. Быть сержантом конной полиции, и особенно N-ской дивизии, — это прежде всего значило для него жить так, как он любил, то есть полной и захватывающей дух жизнью. И самые сильные переживания он испытывал тогда, когда ему попадался противник не глупее, а умнее его самого.

На этот раз этим противником была женщина или девушка. Кто именно, он определить еще не мог. Ее низкий мелодичный голос, ее движения, ее ясная спокойная красота — от всего этого веяло женщиной; когда же она сидела на носу лодки, было что-то нежно-девичье в ее фигуре или, может быть, ее делали такой мягкие блестящие распущенные волосы. И опять он становился в тупик, определяя ее воз-

раст: восемнадцать или тридцать? Но девушка или женщина, она сумела его оплести так тонко, что досада начала в нем уступать место восхищению. Чтобы сказал начальник Н-ской дивизии, если бы увидел того, кто послан был за Черным Роджером Одемаром, лежащим посреди лодки пленником прекрасноволосой, весьма опасной представительницы прекрасного пола и метиса с бычьей шеей и обезьяньими руками!

И почему эта таинственная пара решила спасти его жизнь, хотя один из них всего только несколько часов тому назад на него покушался? На этот вопрос дать ответ могло только будущее. Сам же он решил больше не мучить себя догадками. Настоящее само по себе было достаточно интересно, да и вне всякого сомнения приближались и другие, не менее важные события. Это было видно уже из того, как держали себя Жанна-Мари-Анна Булэн и ее слуга с разбойничьей физиономией. Бэтиз пригрозил разmozжить ему голову, и он готов был поклясться, что эта девушка или женщина одобрительно улыбнулась на эту угрозу. Но он не сердился на Бэтиза; в нем пробуждалась непонятная симпатия к этому человеку, как не мог он подавить в себе и все возраставшего восхищения перед Жанной-Мари-Анной. О существовании Черного Роджера он позабыл совершенно. Ведь Черный Роджер был далеко от него, а Бэтиз и Мари-Анна находились здесь, под боком. Он стал мысленно называть ее Мари-Анной; ему нравилось это имя; только «Булэн» раздражало его той упрямой

настойчивостью, с какой оно звучало в его ушах.

Впервые с тех пор, как началось их путешествие, он с блестящей черной головки и стройной фигуры на носу лодки перевел свои глаза в раскрывавшиеся перед ним дали. Стояла дивная ночь. Река струилась перед ним потоком расплавленного серебра. Словно развешенные восточные ковры, тянулись по обоим берегам стоявшие сплошной стеной леса. Небо казалось таким близким, а поднимавшаяся красная луна с почти уловимой глазом быстротой становилась нежно-золотистой. И душа Карригана открылась, как всегда, лучезарной красоте северного неба. Ему казалось, что можно вечно оставаться юным и сильным под этим чистым сиянием далеких миров, которые безмолвно говорили ему больше всех человеческих слов. Они наделены были более полной и значительной жизнью Сравнительно с той, которая одушевляла его собственное тело. И он лучше понимал их, когда кругом царила тишина. А в эту ночь было очень тихо, так тихо, что плеск весел казался заглушенной музыкой. Из лесной чащи не доносилось ни единого звука, но он знал, что там скрывалась жизнь, широко раскрыв свои ищущие глаза и трепеща в бархатных крыльях и тяжелых лапах; словом, та самая жизнь, которая была и в нем, и в Мари-Анне, и в метисе Бэтисе, плывших в этой лодке. И казалось невозможным крикнуть в эти мгновения, словно кто-то невидимый и властный требовал, чтобы всюду в мире господствовала тишина.

И вдруг эту тишину разорвал внезапный шум; берега сблизились, река сузилась и вместо густой зелени кедров, сосен и елей показались огромные серые скалы. Все громче раздавался шум и все выше поднимались скалы, громоздя утес над утесом. Карриган понял, что они приближались к порогам. Это удивило его. Ведь еще сегодня он думал, что до этих порогов по крайней мере миль двадцать или тридцать, а теперь они подходили к ним; он видел, как Бэтиз и Жанна-Мари-Анна Булэн спокойно и невозмутимо готовились к переходу через это опасное место. Невольно ухватился он обеими руками за борта лодки, когда отдаленный шум перешел в глухой рокочущий гром. Залитые лунным светом скалы сдвинулись еще ближе и сдавили реку двумя отвесными стенами; у Карригана дух захватило при виде бурно пенившихся волн.

Он взглянул на сидевшую впереди женщину. Стройное тело держалось чуть прямее, и озаренная луною головка вздернулась немного выше. Ему захотелось теперь заглянуть ей в лицо и уловить то чудесное выражение, которое, наверно, было сейчас у нее в глазах, когда она так бестрепетно глядела в лицо опасности. Ведь он чувствовал, что она не замирала от страха, а восторженно глядела на опасность, опьянялась ею, и кровь в ее жилах кипела, как этот бурный поток. Порывы бушевавшего в этом ущелье ветра раздували ее распущенные волосы, словно блестящую вуаль. Спустившись через борт Лодки, концы их длинных прядей упали в

воду. Он задрожал, ему хотелось крикнуть Бэтизу, что это безумие — так рисковать ее жизнью. Он совсем забыл свою собственную беспомощность, позабыл о том, что если опрокинется лодка, то ему придет верный конец, в то время как женщина с Бэтизом еще могли бы спастись. Все его мысли сосредоточились на женщине — он не сводил глаз с нее — и на том, что ждало их впереди. Снежным сугробом встала перед ним кипучая пена, в которую лодка ринулась с быстротой стрелы. Брызги ударили ему прямо в лицо и на мгновение ослепили.

Затем лодка снова вырвалась на волю, и ему показалось, что женщина засмеялась, но он тотчас же обозвал себя дураком за такую выдумку. Ведь пороги еще не кончились и продолжали грозить им смертью, а полная жизни и силы женщина в лодке то проворно вскидывала, то опускала сверкавшие весла и звонко вскрикивала, в ответ же слышалось глухое мычание Бэтиза. Волны то падали, то вздымались; черные скалы, у подножия которых клубилась пена, стремительно неслись мимо, словно живые существа; и вот гром перешел в ужасающий рев, и потом — словно они обогнали его на крыльях — внезапно смолк позади. Перед ними расстилась спокойная водная гладь. Река расширилась. Луна еще ярче осветила ее, и Карриган заметил, что волосы женщины отливали влажным блеском и с ее рук капала вода.

В первый раз он обернулся и взглянул на Бэтиза. Метис ухмылялся, словно кот.

— Странная же вы парочка! — проворчал Карриган и, снова отвернувшись, увидел Жанну-Мари-Анну Булэн такой же невозмутимой, как если бы переход через пороги при свете луны составлял самое обыкновенное развлечение. И как ни старался он отнестись к ней по долгу своей службы, он все же не мог заставить свое сердце не биться чуть сильнее, когда глядел на нее. Тщетно твердил он себе, что она нечестивая маленькая Иезавель, которая едва его не угробила. Увы, она могла быть подобно Кармин Фэнчет падшим ангелом, а он не мог все же противиться обаянию ее отваги и дерзости, не мог не ломать голову над тем, что за отношения у нее с Бэтисом. Он вспомнил с неприятным чувством что-то откровенно-собственническое в том, как метис взял ее на руки и как потом без всякого раздумья пригрозил разmozжить ему голову, если он не перестанет с ней разговаривать.

Все пережитое в бурных порогах умиротворяюще подействовало на Карригана. словно с него сняли какую-то тяжесть, какой-то железный обруч, сжимавший ему череп. Он не хотел, чтобы Бэтис заметил в нем эту перемену, и глубже откинулся на свой мешок, по-прежнему не спуская глаз с сидевшей впереди женщины. Сама она бросила грести, и теперь на весла налег Бэтис, так что узкая лодка летела стрелой вниз по быстрому течению реки. Через сотню-другую ярдов был поворот, и когда лодка с головокружительной быстротой обогнула береговой мыс, перед ним открылась спокойная широкая водная гладь. А вдали светились огни.

Лес отступил от реки и уступил свое место усеянной каменными глыбами поляне да широкой черной полосе вдоль самого берега. Карриган знал, что это так часто встречающийся на Дальнем Севере пропитанный смолой песок, начало тех природных богатств, которые сделают когда-нибудь американский Север новым Эльдорадо.

Огни все приближались, и вдруг ночную тишину разорвала чья-то буйная песня. Дэвид услышал, как из горла Бэтиза вырвались какие-то глухие звуки; женщина что-то тихо ответила, и Карригану показалось, что она выше подняла свою озаренную луной головку. Все громче звучала вольная страстная песня, которая вот уже полтора года лет раздается на берегах трех великих рек. Это не была песня цивилизованного мира: просто свободный человеческий голос рвался из груди с дикой силой, трепетавшей от безумной любви к жизни. Эта песнь заставляла напрягать изо всей силы горловые мускулы; певцы старались перекричать друг друга, словно быки в припадке бешеного восторга. А затем голоса смолкли так же неожиданно, как и раздались в ночной тишине. Чей-то одинокий крик пронесся над рекой; послышался чей-то смех. Зазвенела жестяная посуда, залаяла собака. Потом еще кто-то крикнул в последний раз, и ночь снова погрузилась в прежнее безмолвие.

Эти люди, которые распевали среди ночи, хотя давно уже должны были спать, так как вставали с восходом солнца, и составляли партию Булэна. В пылавших на берегу огнях Кар-

ригану показалось что-то особенное. Теперь он понял, что люди Жанны-Мари-Анны Булэн разбили лагерь на смоляных песках и подожгли бившие из земли многочисленные нефтяные ключи. Такие огни ему не раз встречались на берегах здешнего Триречья; случалось, зажигал их и он сам, варил на них себе пищу, а потом заливал для забавы водой. Однако он никогда еще не видел ничего подобного тому, что открылось сейчас перед его глазами. На пространстве в полгектара било семь фонтанов желтоватого пламени, высились гигантские факелы высотой в десять-пятнадцать футов. А вокруг них кипела жизнь. Взад и вперед сновали человеческие фигуры, казавшиеся издали карликами, жителями какого-то волшебного крошечного мира. Могучими ударами весел Бэтис подогнал лодку ближе, и тогда фигуры выросли, огненные же фонтаны стали выше. Теперь все происходящее стало понятно Карригану.

Партия Булэна воспользовалась ночной прохладой, чтобы приняться за добывание смолы. Он почувствовал смолистый запах и в желтоватом свете заметил несколько огромных Йоркских лодок. Их было с полдюжины, и обнаженные до пояса люди смазывали кипящей смолой их днища. Огромный черный котел кипел на газовом ключе, и между этим котлом и лодками взад и вперед бегали с ведрами люди. Недалеко от огромного котла другие наполняли бочонки драгоценной черной жидкостью, сочившейся из земных недр, и ее густо-черные лужи блестели при свете газовых

факелов. Как показалось Карригану, работало человек тридцать. Шесть больших йоркских лодок лежали на черном песке с опрокинутыми вверх киями. У берега стояло в потемках одинокое судно. К этому-то судну и направил Бэтиз лодку. И чем ближе они подплывали, тем больше казалось Карригану дивной сказкой все то, что открывалось его глазам.

Никогда еще не видел он таких людей. Индейцев среди них не было. Гибкие и ловкие, с непокрытыми головами, с обнаженными до пояса телами, блестящими в призрачном освещении, они оживленно возились с кипящей смолой. Они не заметили приближавшейся лодки, а Бэтиз не стал обращать на себя их внимания и тихо причалил к одиноко стоявшему судну. Там уже приготовились к их встрече. Женщина вышла из лодки, а над ним снова наклонился Бэтиз. Вторично подхватили его, словно ребенка, обезьяньи руки метиса. Он разглядел при лунном свете, что судно было много больше других, обычно плавающих здесь по верховью, и две трети его были заняты каютой. В эту-то каюту и перенес его Бэтиз, положив в темноте на что-то, напоминавшее собой привинченную к стене койку. Прислушиваясь к движениям Бэтиза, он закрыл глаза, когда тот чиркнул спичкой. Через минуту Бэтиз захлопнул за собой дверь, и тогда Карриган вновь открыл глаза и приподнялся.

Он был один, а когда увидел, где он, то вскрикнул от изумления. Ни на одном плавающем по этим рекам судне он не встречал еще такой каюты. Она была тридцати футов в длину

и по крайней мере восьми в ширину. Стены и потолок из полированного кедра; но прежде всего его внимание привлекла к себе изумительная тонкость работы. Потом его удивление перешло и на другие предметы. У постели лежал темно-зеленый пушистый бархатный ковер, а за ним во всю комнату были разостланы две великолепные белые медвежьи шкуры. Стены были увешаны картинами, а на четырех окнах висели кружевные занавеси. Прикрепленная к стене лампа, которую Бэтис зажег недалеко от него, была из полированного серебра, и яркий свет ее смягчал абажур, цветом похожий на старое золото. Еще три таких же лампы оставались незажженными. Дальний угол каюты тонул во мраке, но Карриган разглядел, что там стояло пианино. Не веря своим глазам, он встал и добрался до него, цепляясь за стулья. Рядом с пианино была другая дверь и широкий диван с той же самой пушистой зеленой обивкой. Обернувшись, он увидел, что сам он только что лежал на точно таком диване. Рядом были книжные полки, столик с журналами и газетами, и среди них — женская рабочая корзинка, в корзинке же — спавшая глубоким сном кошка, а над столом и спящей кошкой он увидел треугольное знамя. На черном фоне изображен был могучий северный белый медведь, обороняющийся от целой стаи полярных волков. И то, что с такими усилиями стирался припомнить Карриган, сразу воскресло в его памяти: белый медведь, дерущийся с волками, — герб Сен-Пьера Булэна!

Он быстро шагнул к столу и тотчас же схватился за спин-

ку стула. Что это с его головой? Не закачалось ли у него под ногами судно? Кошка закружилась в своей корзинке; знамен оказалось с полдюжины. Лампа на своей подставке зашаталась, пол дрогнул, и все представилось ему в отвратительно искаженном виде. Тьма, словно пеленою, застилала ему глаза, и сквозь эту тьму, шатаясь, как слепой, он направился к дивану. Он добрался до него ровно настолько, чтобы свалиться на него, словно труп.

Глава VI

Когда силы окончательно оставили Карригана, он погрузился в какую-то неопределенную жизнь, где в беспросветном мраке целое полчище невидимых маленьких дьяволов стреляло ему в голову раскаленными докрасна стрелами. Он не чувствовал около себя человеческого присутствия, не сознавал, что диван превратился в постель, что зажглись все четыре лампы и морщинистые коричневые руки с крючковатыми пальцами творили над ним чудеса первобытного врачевания. Он не видел лица столетнего Непапинаса — «Странствующего Светоча», — сгорбленного и дряхлого индейца, который призвал на помощь весь свой восьмидесятилетний опыт, чтобы спасти ему жизнь. Не видел он ни туполицого молчаливого Бэтиза, ни смертельно-бледного лица и широко раскрытых, не отрывавшихся от него глаз Жанны-Мари-Анны Булэн, ни ее тонких белых пальчиков, работавших с лекарствами старика. Он лежал на дне черной пропасти, и вокруг него корчились злобные духи. Он боролся с ними и кричал на них; эта борьба и эти крики наполняли смертельной тревогой взор склонявшейся над ним девушки. Он не слышал ее голоса и не чувствовал ни ее ласковых рук, ни могучей хватки Бэтиза, державшего его во время припадков. Непапинас же, подобно машине, которая тысячи раз уже встречалась со смертью, продолжал неумоимо

работать своими крючковатыми пальцами, пока дело его не было сделано и дьяволы с калеными стрелами не бросились бежать из непроглядного мрака, в котором задышался Карриган.

И тогда наступила пора бесконечных тревог, жизнь, полная беспомощности и сопровождавшаяся в то же время борьбой с угнетавшим его окружающим миром. Иногда случались провалы, приходили вместе со сном часы забвения, но были и другие мгновения, когда он чувствовал себя полным жизни, хотя не мог пошевелить даже и пальцем. Мрак уступал место проблескам света, и в эти проблески вставляли перед ним видения, причудливые, туманные и неотвязные. Вот он снова лежит на раскаленном песке и снова слышит голоса Жанны-Мари-Анны и той, Златокудрой, и вот Златокудрая гордо развернула перед ним треугольное черное знамя, на котором огромный медведь боролся с полярными волками; затем бросилась бежать с криком «Сен-Пьер-Булэн, Сен-Пьер Булэн», сверкнув в последний раз своими отливавшими огнем волосами. Но когда возвращались маленькие дьяволята и опять принимались мучить его стрелами, всегда приходила другая — с темными волосами и темными глазами. Она приходила откуда-то из мрака и прогоняла их прочь. Она что-то шептала ему на ухо и одним прикосновением руки успокаивала его боль. Когда же тьма снова поглощала ее, ему делалось страшно и он призывал ее к себе, всегда слыша в ответ ее голос.

Затем пришло полное забвение. Он носился в холодном пространстве, свободный от всяких мучений; пушистые облака служили ему ложем, и на этих облаках он летел над широкой сверкавшей рекой; наконец облака стали принимать очертания и превратились в увешанные картинами стены, в окно, сквозь которое светило солнце, и в черное знамя; он слышал дивную нежную музыку, словно доносившуюся до него из другого, далекого мира. И в его сознании стали пробуждаться образы новых созданий. Эти создания старались связать и укрепить ускользавшие от него предметы внешнего мира. Карриган сам был в их числе и трудился так усердно, что среди выступавших очертаний предметов часто появлялись черные глаза, чтобы остановить его, а руки и голос ласково его умиряли. Этот голос и эти руки стали родными для Карригана. Он тосковал по ним, когда их не было поблизости, особенно по рукам, и всегда удерживал их, чтобы они не исчезли.

Только один раз после того, как плывущее облако превратилось в стены каюты, он снова погрузился в хаотический мрак. И в этом мраке слышал голос. Это не был голос ни Златокудрой, ни Бэтиза, ни Жанны-Мари-Анны. Он раздался над самым его ухом, и среди навалившейся на него тьмы было что-то жуткое в медленно падавших одно за другим словах: «Не видал ли... кто-нибудь... Черного... Роджера... Одемара?» Он пытался ответить, отозваться, и голос раздался опять, повторяя все те же слова, бесстрастный, пустой,

словно шедший из могилы. Он весь напрягся тогда, стараясь ответить ему, сказать, что вот он, Дэвид Карриган, и отыскивает сейчас Черного Роджера Одемара, который находится где-то на Далеком Севере. И вдруг голос превратился в самого Черного Роджера; хотя он и не мог разглядеть его в темноте, все же крепко ухватился за него. В то же мгновение он широко раскрыл глаза и прямо над собою увидел лицо Жанны-Мари-Анны, близко-близко, даже еще ближе, чем в своем лихорадочном бреде. Своими пальцами он крепко, словно стальными клещами, вцепился в ее плечи.

— Мсье, мсье Дэвид! — кричала она.

На один момент он пристально взглянул на нее, а затем пальцы разжались, и он бессильно уронил руки.

— Простите... мне, мне снилось... — проговорил он с трудом. — Я думал...

Он видел муку на ее лице, а теперь оно мгновенно просияло от радости. И, наклонившись над ним так близко, что он мог бы дотронуться до нее, она улыбнулась ему. Он улыбнулся тоже. Это потребовало от него некоторого усилия, так как во всем лице он чувствовал странную стянутость кожи.

— Мне снился... человек... по имени Роджер Одемар, — продолжал он извиняться. — Я... потревожил вас?

Улыбка исчезла с ее губ так же быстро, как и появилась.

— Немного, мсье! Я рада, что вам лучше. Вы были очень больны.

Он поднял руку к лицу. Нашупал повязку и вдобавок

еще щетину на щеках. Это его удивило. Ведь только сегодня утром он повесил на ветку дерева стальное зеркальце и побрился.

— Вы были ранены три дня тому назад, — спокойно сказала она. — Сегодня вечером, на третий день, вас жестоко лихорадило. Непапинас, мой доктор-индеец, спас вашу жизнь. Теперь же вам следует лежать спокойно. Вы очень много говорили в бреду.

— О... Черном Роджере? — спросил он.

Она кивнула головой.

— И... о Златокудрой?

— Да, и о Златокудрой.

— И... о другой... темноволосой и темноглазой?

— Может быть, мсье.

— И о дьяволятах с луками и стрелами, и о полярных медведях, и о белых волках, и о северном властелине, которого зовут Сен-Пьером Булэном?

— Да, обо всем этом.

— Тогда мне нечего больше сказать вам, — пробормотал Дэвид. — По-видимому, я сообщил вам все, что знал. Вы стреляли в меня — и вот я здесь. Что же теперь вы хотите делать со мной?

— Позвать Бэтиза, — поспешно ответила она и, быстро поднявшись, направилась к двери.

Он совершенно не пытался удержать ее. Его мысли работали с большим трудом, медленно приходя в порядок после

своей хаотической пляски, и он только тогда понял, что она уходит, когда за ней уже закрылась дверь. Тогда он снова поднес руку к лицу и нащупал бороду. Три дня! Он повернул голову, чтобы оглядеть всю каюту. Заходящее солнце заливало ее сиянием, при котором все краски казались ярче и богаче, картины на стенах оживали и клавиши пианино блестели. Дэвид медленно перевел взгляд на свои ноги. Диван был открыт и превращен в постель. Сам Дэвид был одет в чью-то белую ночную рубашку. А на столе, где три дня тому назад спала в рабочей корзинке кошка, стоял огромный букет шиповника. Его голова быстро прояснилась, и, с большою осторожностью слегка приподнявшись на локте, он стал прислушиваться. Судно не двигалось. По-видимому, оно все еще стояло на прежнем месте, хотя с пропитанных смолой песчаных берегов не доносилось ничьих голосов.

Когда Карриган снова упал на подушки, его глаза остановились на черном знамени. Он заволновался опять при виде белого медведя и нападающих на него волков. Всякому, кто плавал по водам Триречья, было знакомо это знамя, хотя оно и появлялось довольно редко, а южнее Чипевайана не встречалось совсем. Многое при виде его вспомнилось Карригану, многое, что приходилось ему слышать как на Пристани, так и по верховью и низовью рек.

Он закрыл глаза и начал вспоминать длинные зимние недели, проведенные им на посту Хэй-Ривер, где он выслеживал ограбившего почту Фэнчета. Там-то он и слышал

больше всего о Сен-Пьере, хотя ни один из говоривших о нем никогда не видел его в глаза; никто не знал, стар он или молод, карлик или великан. По одним рассказам он был так силен, что мог своими руками свернуть узлом ружейный ствол; другие говорили, что он так стар, что никогда не сопровождает свои партии, когда те ежегодно привозят в низовья драгоценные меха для обмена на товары. В этой огромной стране на север и запад от Большого Невольничьего озера он оставался загадкой. Ведь если он и сопровождал свои партии, то не выставлял себя напоказ, а если показывались суда и лодки со знаменем Сен-Пьера, то это не значило еще, что на них был и сам Сен-Пьер. Но все очень хорошо знали, что у Сен-Пьера были самые сильные, смелые и ловкие люди Севера, что они привозили самые богатые меха и возвращались на свою далекую таинственную стоянку с самыми большими грузами товаров. Вот что имя Сен-Пьера вызвало в памяти Карригана.

Он приподнялся на подушке и с новым интересом оглядел каюту. Ему ни разу не приходилось слышать о женщинах у Булэна, но здесь все доказывало их существование. История великого Севера, скрытая в пыльных томах и тайных документах, всегда казалась ему полной захватывающего интереса. Он удивлялся, почему мир так мало знал о ней и так мало верил тому, что слышал. Когда-то давно он написал целую статью, в которой сжато передал двухсотлетнюю историю этой половины огромного континента, полную трагиз-

ма и поэзии, историю ожесточенной борьбы за власть. Он рассказал о грозных крепостях с каменными бастионами в тридцать футов высотой, о кровопролитных войнах, о больших военных кораблях и о морских сражениях на покрытых льдом водах Гудзонова залива. А когда написал все это, то спрятал свою рукопись на дно сундука, чувствуя, что так и не смог в ней отдать должного народу этого дикого края, который он горячо любил. Могучих старых владык теперь уже не стало. Словно низверженные монархи, спустившиеся до уровня простых смертных, они жили памятью о прошлом. Их силой была теперь торговля. Не порохом и не пулями вели они войну со своими соперниками: тонкие расчеты, быстроногие собаки, купля и продажа заступили место прежних ужасов. Судьба Севера была теперь в других, еще более крепких руках Северо-западной конной полиции.

Карригана взволновала мысль, что именно здесь, в этой каюте, закон встретился лицом к лицу с могучими силами пустыни. Все это увлекало его гораздо больше, чем охота за Черным Роджером Одемаром. Правда, Черный Роджер был убийцей, настоящим убийцей и злодеем, не вызывающим к себе никакого сочувствия. Черного Роджера требовал закон, и он, Дэвид Карриган, был избран, чтобы исполнить его волю. Но теперь, охваченный странным волнением, он чувствовал, что открывались новые, куда более захватывающие приключения, чем поиски Черного Роджера. Что-то невидимое неотвязно призывало и требовало его, освобождая его

душу от спячки, в которую она только что была погружена. И он повиновался этому зову, потому что в конце концов дело шло о его жизни. Вполне сознательно и обдуманно на нее посягала Жанна-Мари-Анна Булэн. И если она сама же спасла его потом, то это еще более требовало разъяснений, он решил, что добьется этих разъяснений и не вспомнит о Черном Роджере до тех пор, пока все не станет для него ясным.

Это решение властно продиктовал ему железный голос долга. Он не думал сейчас о законе, и все же сознание своей ответственности перед ним ни на минуту его не покидало. И перед лицом этой ответственности Карриган чувствовал, что во всем этом, кроме морального обязательства, было что-то глубоко личное и крайне опасное. Уже один его неуместный интерес к этой женщине представлял собой явную опасность. Этот интерес и заставил его уклониться от того нравственного долга, которому он следовал хотя бы в своем столкновении с Кармин Фэнчет. Если сравнить обеих женщин, то Кармин была, конечно, красивее, но ему больше нравилось глядеть на Жанну-Мари-Анну Булэн.

В этом он сознался себе с усмешкой, продолжая рассматривать ту часть каюты, которая была видна ему с подушки. Еще недавно он больше всего на свете хотел узнать, почему Жанна-Мари-Анна с таким упорством добивалась его смерти, а затем сама же спасла ему жизнь. Теперь же, оглядываясь кругом, он все время задавал себе вопрос, каковы ее отноше-

ния с таинственным северным властелином — Сен-Пьером.

Разумеется, она его дочь, и для нее Сен-Пьер обставил с такой роскошью это судно. «Настоящая дикарка, — подумал он, — что-то вроде Клеопатры, одинаково стремительной в преступлении и раскаянии».

Его размышления прервала тихонько отворившаяся дверь каюты. Он надеялся, что это возвратилась Жанна-Мари-Анна, но вместо нее показался Непапинас. Старый индеец с минуту постоял над ним, положив ему на лоб холодную скрюченную руку. Он что-то бормотал, кивая головой, и его маленькие тусклые глазки светились от удовольствия. Потом, взяв Дэвида под мышки, он поднял и усадил его, подложив за спину подушки.

— Спасибо! — сказал Карриган. — Мне так лучше. И... знаете что: в последний раз я завтракал три дня тому назад вареными сливами и овсяной лепешкой...

— Я принесла вам поесть, мсье Дэвид! — раздался сзади нежный голос.

Непапинас удалился, и вместо него подошла к постели Жанна-Мари-Анна. Дэвид молча глядел на нее. Когда за старым индейцем затворилась дверь, Мари-Анна придвинула стул, и он впервые увидел ее ясные глаза при полном дневном свете.

Он позабыл, что всего несколько дней тому назад она была его смертельным врагом. Он позабыл, что на свете есть человек, которого зовут Черным Роджером Одемаром. Она

стояла перед ним такой же тонкой и гибкой, какой рисовалась ему там, на раскаленном песке. Такими же, как тогда, казались ему и ее волосы: словно колечки крученого шелка, они лежали на голове, мягкие, блестящие и черные, как смоль. Но больше всего его поражали ее глаза, и он пристально смотрел в них с легкой улыбкой.

— А я-то думал, что у вас черные глаза! — простодушно сказал он. — Рад своей ошибке. Я не люблю черных глаз. Они у вас карие, как... как...

— Пожалуйста, мсье! — прервала она его, усаживаясь к нему поближе. — Хотите теперь поесть?

Поднесла ложечку к самому рту — и волей-неволей пришлось ему проглотить ее содержимое, чтобы оно не пролилось на грудь. Еще и еще раз ложечка проворно бегала от чашки к его рту. У него пропал дар слова, а женщина улыбалась ему одними глазами. Это были чудные карие глаза с золотыми искорками, похожими на крапинки лесных фиалок. Когда же расходились алые губы, то сверкала белизна ее зубов. В толпе, со скрытыми под шляпой роскошными волосами, холодная и равнодушная, она могла бы пройти незамеченной. Но она была прелестна вот так, вблизи, со своими смеющимися глазами.

Наверное, по лицу Карригана можно было угадать его мысли, потому что губы ее внезапно сжались, в глазах же погас теплый блеск. Суп был съеден, и она встала.

— Пожалуйста, не уходите, — сказал он. — Иначе я

встану и пойду за вами. Я думаю, что имею право на нечто большее, чем суп.

— Непапинас говорит, что на ужин вам можно дать кусочек вареной рыбы, — успокоила она его.

— Вы знаете, что я о другом говорю: я хочу знать, почему вы стреляли в меня, и что вы теперь намерены со мной делать.

— Я стреляла в вас по ошибке и... сама хорошенько не знаю, что мне делать с вами, — спокойно ответила она, но ему показалось, что в глазах у нее промелькнуло легкое смущение. — Бэтиз говорит, что вам нужно привязать к шее камень и бросить в реку. Но Бэтиз не всегда думает то, что говорит. Я не верю, что он так кровожаден...

— Как та молодая леди, которая чуть не убила меня! — перебил Карриган.

— Вот именно, мсье! Я не думаю, чтобы он утопил вас в реке, если только я сама не прикажу ему. А я как будто не собираюсь просить его об этом! — прибавила она с прежним огоньком в глазах. — Особенно теперь, когда Непапинас совершил такое чудо с вашей головой. Надо, чтобы Сен-Пьер взглянул на вас. Ну, а потом, если сам Сен-Пьер захочет вас прикончить, что ж... — Она пожала плечами и слегка развела руками.

И вдруг она вся изменилась, как бы озаренная внезапным светом, словно на мгновение утратила власть над тем, что таилось в самой глубине ее души и теперь вырвалось на во-

лю. Огонек в глазах у нее потух, и они глядели не то со страхом, не то с мукой. И снова она приблизилась к Карригану.

— Это была страшная ошибка, мсье Дэвид! — почти прошептала она. — Мне очень жаль, что я вас ранила. Я предполагала, что за скалою другой. А большего я вам ничего не могу сказать сейчас. И знаю, что мы никогда не можем стать друзьями.

— Почему не можем? — спросил он, приподнимаясь на подушках, чтобы быть к ней поближе.

— Потому что... вы служите в полиции, мсье.

— В полиции, да! — сказал он с сильно бьющимся сердцем. — Я сержант Карриган. Я иоду Роджера Одемара, убийцу. Но это дело не имеет ничего общего с дочерью Сен-Пьера Булэна. Я прошу вас — будем друзьями.

Он протянул ей руку; в эту минуту Карриган поставил нечто выше своего долга, о чем говорили его загоревшиеся глаза. Женщина не взяла протянутой ей руки.

— Друзьями! — повторил он. — Друзьями, несмотря ни на какую полицию.

Глаза женщины медленно расширялись. Она словно увидела то новое, что взяло верх в его ускоренно забившемся сердце, и тогда испуганно отступила на шаг.

— Я не дочь Сен-Пьера Булэна, — с трудом проговорила она. — Я... его жена.

Глава VII

Карриган с удивлением вспоминал позднее, как глубоко он был разочарован в первые минуты. Это был настоящий удар, заставивший его сразу измениться в лице. Он не сказал ни слова, но его протянутая рука медленно опустилась на белую простыню. Впоследствии он назвал себя за это дураком: можно было подумать, что он ставил предложенную им дружбу в зависимость от этого открытия. А Жанна-Мари-Анна Булэн тихо и спокойно повторила еще раз, что она жена Сен-Пьера. Она не была взволнована, только глаза ее стали совсем другими. Уже не карие и не черные, а почти прозрачные в своем блеске, они делались все светлее и светлее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.